

О. И. Василенко

ОТФИТОНИМИЧЕСКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

На материале русского и английского языков

Дан сопоставительный анализ процессов семантической деривации, происходящих в денотативной сфере фитонимов русского и английского языков. Выявление когнитивных особенностей деривационного процесса предполагает установление его направления и типа понятийной связи, а также анализ признаков растений, лежащих в основе вторичной концептуализации. В языковом аспекте выявляются механизмы семантической деривации (типы переносов). С точки зрения культурологической обусловленности деривационные процессы определяются ассоциативным потенциалом растения, который отражает роль растения в фольклорных, религиозных, литературных и других традициях.

Явление семантической деривации (СД) может быть определено двояким образом: как отношение производности между единицами языка и как сам процесс образования производной единицы. Именно понимание семантического варьирования как процесса, а не как готового результата (полисемия) позволяет анализировать его как многоаспектное явление, определяющееся совокупностью трех параметров: когнитивного, собственно языкового и культурологического [см.: Györi, 2002].

При этом семантическая деривация, как и любой другой способ лексикализации, характеризуется как общими, универсальными чертами, так и специфичными, уникальными для каждого языка признаками. С одной стороны, универсальность когнитивных процессов, значительная общность объективной реальности и социального опыта обуславливают определенное сходство процессов СД в различных языках, что делает возможным исследование ее как межкузыкового явления. В то же время специфика каждого языка и опыта языкового коллектива приводит к существенным различиям в процессах СД. С учетом многоаспектности рассматриваемого явления его сопоставительный анализ в нескольких языках предполагает выявление универсального и специфичного, определяемого совокупностью сразу трех вышеназванных аспектов.

В настоящей статье предметом исследования являются когнитивные, языковые и культурологические закономерности и особенности процессов семантической деривации в денотативной сфере фитонимов (достаточно ярко демонстрирующей все три аспекта) русского и английского языков.

Когнитивный аспект СД

Именно когнитивный аспект, по мнению представителей когнитивного направления, является определяющим для процесса семантической деривации: «Языко-

вое поведение является когнитивной деятельностью, и изменения приводятся в действие именно в мышлении отдельного говорящего. Кроме того, различные механизмы изменения (например, метафора, метонимия и т. д.) берут начало в процессах мышления. Таким образом, именно в когнитивных аспектах следует искать корни изменения значения» [Gyori, 2002, 147] (перевод наш. — О. В.).

Функционирование когнитивных факторов в процессе образования нового значения происходит следующим образом: сначала осуществляется идентификация и категоризация референта, т. е. определяется его место в когнитивной системе человека, далее происходит так называемая субкатегоризация, т. е. выявление соотношения данного понятия и других членов той же категории, и, наконец, завершает создание ментальной макроструктуры слова процесс номинации, т. е. поиск имени. Таким образом, СД — именно то явление, которое на языковом уровне позволяет проследить когнитивные процессы, происходящие в сфере концептуализации. Анализ феномена СД позволяет выявить категоризирующие процессы, происходившие в момент номинации и обусловившие ее, в результате чего «лексикологическое исследование этой области приобретает статус когнитивного» [Лещева, 1997, 17]. Когнитивные факторы СД являются наиболее универсальными, поскольку опираются в первую очередь на общие закономерности протекания когнитивных процессов. В связи с этим при сопоставлении СД в разных языках в обсуждаемом аспекте ожидается наименьшее расхождение.

При анализе когнитивного аспекта отфитонимической семантической деривации мы выделяем ряд параметров.

Первый параметр — *п о н я т и й н а я с в я з ь*. Семантическая структура слова представляет собой ряд значений, связанных содержательными отношениями, являющимися, по сути, отражением связи понятий в сознании. За основу в данном исследовании взята классификация содержательных связей, разработанная М. В. Никитиным [1988], который выделяет два основных типа таких связей.

1. *И м п л и к а ц и о н н ы е с в я з и* — это мыслительный аналог связей, существующих между предметами в реальной действительности (причинно-следственных, пространственных, временных и отношений частей и целого) [Никитин, 1988]. В объективном мире количество связей такого типа велико, но языковое их воплощение все-таки более ограничено.

2. *К л а с с и ф и к а ц и о н н ы е с в я з и* представляют собой мыслительный аналог распределения объектов по классам в соответствии с определенными дифференциальными признаками. В случае классификационных связей, в отличие от связей предшествующего типа, объекты внеязыковой действительности не объединены какими-либо реальными отношениями: «Связь между двумя сущностями устанавливается в сознании, но отражает не какую-то реальную связь сущностей, а общность присущих им признаков» [Никитин, 1988, 68]. Классификационные связи представлены гиперо-гипонимическими (родово-видовыми) и симулятивными (метафорическими).

Оба типа понятийной связи задействованы в сопоставляемых языках в равной степени активно. Импликационные связи лежат в основе таких общих когнитив-

ных моделей, как *объект* → *его часть* (модели «растение ↔ плод этого растения», «растение → цветок этого растения» и т. д., например: *кокос, кипрей, лилия, cloudberry, geranium, lavender*), *объект* ↔ *его состав* («растение → древесина этого растения» и т. д.: *сосна, клен, willow, chestnut*), *объект* → *его признак* («растение → цвет этого растения», «растение → запах этого растения»: *каштан, cherry, fuchsia, lilac*), *объект (выступающий как причина)* → *его следствие* («растение → состояние, вызванное этим растением»: *дурман, хмель*), *объект* → *действие с ним* («растение → процесс использования этого растения», «растение → мероприятие, предусматривающее использование этого растения»: *чай, кофе, елка, картошка, tea, coffee*), *объект* → *пространство* («растение → заросли, посевы этого растения»: *горох, овес, тростник, paddy, mesquite*).

Классификационные связи обуславливают функционирование таких общих когнитивных моделей, как *категория* ↔ *ее член* (модель «растение → вид этого растения», «растение → другое растение того же семейства» и т. д.: *фикус, спаржа, vanilla, spruce*), *объект* → *другой объект* («растение → предмет, имеющий сходство», «растение → растение другого семейства» и т. д.: *груша, маслина, strawberry, marigold*), *объект* → *признак другого объекта* («растение → запах другого объекта», «растение → звук, производимый другим объектом»: *горох, rhubarb*), *объект* → *состав другого объекта* («растение → вещество из другого растения»: *сандал, opex, mustard, pepper*).

Второй параметр — признаки растения, обуславливающие возможность концептуализации. В самом общем виде к факторам, объясняющим, почему концептуализация данного явления осуществляется именно в данном языке и именно через данное растение, мы относим степень номинационной потребности (потребность в языковом обозначении нового явления), силу импликации признака (яркость, силу, выраженность признака, лежащего в основе концептуализации именно через данное растение), а также потребность в экспрессивной коннотации (обнаруживаемую в случае, когда между двумя явлениями лишь слабое сходство и обозначаемое явление уже имеет имя в языке).

Степень номинационной потребности является в обоих языках несколько более активным фактором (ею обусловлено варьирование по пятнадцати моделям, тогда как степень импликации признака является релевантной для двенадцати, а потребность в экспрессивной коннотации — для трех моделей). Различие между языками в функционировании того или иного фактора незначительно и носит единичный характер. Так, варьирование по модели «растение → его часть» в русском языке чаще, чем в английском, обусловлено силой импликации признака, т. е. часть растения подвергается концептуализации по причине ее заметности, броскости, необычности и т. д., а не в силу значимости для практической деятельности человека, например: *трилистник* <...> 3. Разделенный натрое тройчатый лист этих или других растений [БАС, XV, 967], *лопух* <...> // Широкий лист этого растения [Там же, VI, 302], *лиана* <...> 2. Цепкая вьющаяся часть растения [Там же, 208]; в английском данный фактор задействован лишь минимально.

Тесно связаны с рассматриваемыми факторами признаки растений, обуславливающие необходимость и возможность переноса. Такие признаки, воспринимаемые перцептивно или дискурсивно, можно объединить в несколько групп [см.: Комарова, Плотникова, 2006]: мотивационные, понятийные, коннотативно-оценочные и культурологические.

Наиболее часто в обоих языках концептуализация явлений через растения обусловлена признаками, основанными на прагматической оценке (употребление растения или его части в пищу, возможность извлечения из растения какого-либо вещества, использование растения для изготовления какого-либо изделия и т. д.); несколько менее задействованы признаки внешнего вида (цвет, форма, размер, степень привлекательности и т. п. растения), хотя содержание этого признака в ряде случаев различно в сопоставляемых языках. Например, в случае функционирования модели «растение → человек, похожий на это растение внешне» при совпадении признаков общего типа, т. е. признаков, связанных с внешним видом растения, в русском языке преобладают признаки формы и характера поверхности растения (*гриб, сморчок, мухомор, кипарис, сосенка*), тогда как в английском наиболее распространенным является цветовой признак (*carrot, ginger, lily* — перенос на цвет волос человека, *olive, pink, lily* — перенос на цвет кожи).

В меньшей степени в деривационных процессах задействованы коннотативно-оценочные и культурологические признаки растения, при этом их роль несколько выше в английском языке: например, только в английском отмечаются случаи употребления фитонимов в функции обращения (как правило, ласкового), т. е. перенос мотивируется преимущественно коннотативно-оценочным признаком (*cabbage, potato, tulip*); при функционировании модели «растение → изображение этого растения» только в английском языке отмечается вариант «растение → эмблема с изображением этого растения», мотивированный культурологическим признаком (*rose, trefoil, thistle, rosemary, poppy, lily, primrose, wormwood, fennel, palm*).

Необходимо отметить, что в целом семантический параллелизм более характерен для моделей, функционирующих на основе импликационной понятийной связи, однако различие в степени номинационной потребности является регулярным фактором нарушения параллельности семантического развития (так, национальное своеобразие применения растений обуславливает специфичное для каждого из данных языков развитие по моделям «растение → изделие из этого растения», «растение → съедобный продукт из этого растения», «растение → изображение этого растения»). Другими причинами, препятствующими параллелизму, являются реализация разных способов номинации (в одном языке значение появляется как результат семантической деривации, а в другом эквивалентное значение — результат деривации, получающей морфемное выражение, например: английский фитоним *almond* обозначает растение, часть тела (*almond* <...> 6. The tonsils (OED)) и форму глаз (*almond* <...> 5 d. Applied attrib. to eyes shaped like an almond, esp. of certain Asian peoples (OED), ср. в русском языке: *миндаль, миндалина, миндалевидный*), а также случаи лакуарности (в толковых словарях современного английского языка фитонимов зафиксировано зна-

чительно больше, чем в толковых словарях современного русского языка, в том числе за счет названий экзотических растений, произрастающих в регионах Азии, Африки и Южной Америки).

Третий параметр — семантическая деривация. Как отмечает М. В. Никитин, реальные связи объектов в ряде случаев однонаправленны, тогда как концептуальные связи всегда взаимообратимы [Никитин 1988, 68]. Тем не менее применительно к синхронному состоянию лексико-семантической структуры слова (как, впрочем, и в диахронии, хотя синхронные отношения не обязательно совпадают с диахроническими, т. е. с реальной историей возникновения новых значений [см.: Васильев, 1972; Зализняк, 2001; Илюхина, 2005]) можно говорить об отношениях производности, т. е. отношениях, осознаваемых носителями языка таковыми в настоящее время, обусловленных релевантными на данном этапе системными связями и включенных в конкретную культурную парадигму. При выявлении синхронного направления деривации мы опираемся на лексикографический критерий, т. е. на порядок расположения значений в синхронных словарях. Признавая недостатки такого метода (слишком сильное влияние собственно лексикографических критериев и лексикографической традиции), тем не менее можем сделать вывод о том, что для ряда моделей синхронные отношения производности в русском и английском языках не совпадают. Рассмотрим отношения производности на примере модели «растение ↔ плод этого растения».

В русском языке синхронная деривационная связь осознается как направленная от растения к плоду. Даже с учетом того, что изначально скорее всего растение и его плод воспринимались в сознании человека как нечто взаимосвязанное и не нуждающееся в отдельных наименованиях (что является логичным отражением диалектического единства анализа и синтеза при познании действительности), данные словарей показывают, что синхронные деривационные отношения в русском языке осознаются как направленные именно от растения к плоду.

В английском языке ситуация несколько иная, что получает отражение в лексикографической практике: в синхронных словарях в отдельных случаях на первом месте располагается значение ‘растение’, но в большинстве — ‘плод растения’ (при этом в диахронии также возможны и то и другое направления). На наш взгляд, это можно объяснить рядом причин:

1) особенности лексикографической традиции: для английских синхронных словарей более характерна своего рода «прагматическая» направленность, т. е. ориентация на частоту употребления и актуальность значения; возможно, для британского менталитета в большей степени характерна прагматическая, практическая направленность, в связи с чем в качестве прямого осмысливается обозначение наиболее ценного с практической точки зрения объекта — плода;

2) традиционность, следование в большей степени традициям диахронического развития, присущие английской лексикографии, ведь не случайно самый авторитетный английский словарь Oxford English Dictionary (OED) — исторический;

3) географические и исторические особенности Великобритании; достаточно ограниченная территория (и, следовательно, меньшее количество «родных» рас-

тений), с одной стороны, и широчайшая экспансия на территории отдаленных регионов — с другой, обусловили то, что довольно значительная часть плодов (так же, как и растительных материалов и веществ) знакома носителям языка в отрыве от собственно растений; при этом зачастую название экзотического плода заимствуется из языка страны-экспортера, а название растения рассматривается как вторичная номинация;

4) особенности словообразования, так как полное название многих деревьев в английском языке — это словосочетание, имеющее структуру «название плода в атрибутивной функции + сущ. *tree*» (в русском для этого пришлось бы задействовать формальную деривацию для образования относительного прилагательного от названия плода, что требует больше когнитивных усилий), т. е. название растения через первый элемент такого словосочетания — это уже результат эллипсиса, осознаваемый поэтому как производный вариант; в состав названий некоторых ягод входит элемент *berry* (*strawberry*, *gooseberry*, *blackberry* и т. д.), в результате чего единица воспринимается в первую очередь как наименование ягоды.

Данные факторы представляются релевантными для объяснения расхождений в направлении деривации и в других моделях («растение ↔ плод этого растения», «растение ↔ часть этого растения», «растение ↔ древесина этого растения», «растение ↔ волокно из этого растения», «растение ↔ вещество из этого растения»).

Языковой аспект СД

Способы номинации, являясь универсальными для всех языков мира [см.: Гафарова, Кильдибекова, 1998, 13—15], обладают определенной степенью специфичности для того или иного языка, что обусловлено тем, что в языках, как правило, не существует строгой закреплённости какого-то одного способа лексикализации за определенным смысловым заданием [см.: Лещева, 1997, 13]. Эта специфика касается как собственно выбора семантической деривации из имеющихся способов номинации, так и выбора того или иного механизма самой семантической деривации.

Наиболее активными механизмами отфитонимической семантической деривации в обоих языках являются метонимический перенос (при импликационной понятийной связи) и метафорический перенос (при классификационной связи); остальные механизмы задействованы заметно слабее. Тем не менее в семантическом варьировании английских фитонимов отмечается несколько большая активность механизма расширения значения, функционирующего параллельно метонимическому переносу, например, в моделях «растение → заросли, посевы этого растения» (так, у английского фитонима *niaouli* метонимический перенос сопровождается расширением значения, в результате чего фитоним используется для обозначения не просто конкретного участка, а всего ареала данного растения — Новой Каледонии) или «растение → вещество из этого растения», например: *barilla* 1. A maritime plant (*Salsola Soda*) which grows extensively in Spain, Sicily, and the Canary Islands. 2. a. An impure alkali produced by

burning the dried plants of the preceding and allied species; formerly imported in large quantities, and used in the manufacture of soda, soap, and glass (OED).

Для английского языка в большей степени, чем для русского, характерны случаи продления семантической цепочки за счет последующих производных значений именно в рамках одной модели, при концептуализации через растение действий, изделий, цвета, например: *pink* <...> 5. a. A light or pale red colour with a slight purple tinge; c. As a colour commonly used on maps to indicate a British colony or dominion (OED). Только в английском встречается способность фитонима образовывать сразу несколько значений по одной модели, не связанных отношениями производности (так, фитоним *nut* участвует в концептуализации человека сразу по нескольким аспектам: с точки зрения особенностей характера — <...> 4 b. A person hard to deal with or conciliate, умственных способностей — <...> 8 c. A madman; a crank, национальной принадлежности — <...> 8 b. A certain type of Australian, особенностей поведения — <...> 9. A fashionable or showy young man of affected elegance; a 'young blood', fop, or masher (OED).

Культурологический аспект СД

В понятие культурологического аспекта семантической деривации мы включаем те ее особенности, которые обусловлены спецификой восприятия того или иного явления в контексте определенной культуры. При этом культурологическая составляющая семантической деривации достаточно ярка именно в денотативной сфере фитонимов, поскольку растения, являясь неотъемлемой частью мира человека, не могут не быть включены в традиции культуры, обладая, как следствие, чрезвычайно широким ассоциативным потенциалом.

Особенность культурологического фактора семантической деривации заключается в том, что он, в отличие от двух предыдущих, активен лишь в ряде моделей, причем, как правило, в тех, где перенос в меньшей степени обусловлен реальными связями («растение → человек, похожий на это растение внутренними характеристиками», «растение → человек, похожий на это растение внешне», «растение → предмет, имеющий сходство», «растение → изображение этого растения», «растение → абстрактное понятие»).

При сопоставлении культурологической составляющей в русском и английском языках выявляются две группы факторов: 1) универсальные и 2) национально специфичные.

- Первый фактор — универсальная культурологическая составляющая — предполагает, что ассоциативный потенциал растения, обусловленный его ролью в фольклорных, религиозных, литературных и других традициях, совпадает в различных культурах. Об универсальных в полном смысле ассоциациях можно говорить лишь в случае их присутствия в неродственных культурах. Таковыми можно считать восприятие корня как символа истоков, начала или плода как символа результата деятельности (базовые метафоры в сфере фитонимической лексики связаны с архетипическим восприятием мира [см.: Чудинов,

2001]). Однако в рассматриваемой нами семантической группе фитонимов можно говорить в основном лишь о значениях, характерных для европейских культур, поскольку наиболее активными источниками таких универсальных ассоциаций является мифология и традиция античности, а также европейское Средневековье. Общим для двух культур является символическое значение таких растений, как лавр (символ славы), кипарис (символ печали), мак (символ сна, забвения) и т. д.

• Второй фактор — достаточно разнообразны национально специфичные культурологические компоненты. Встречаются значения, присущие исключительно одной из культур. Например, символическое значение фитонима *yew* (*yew* <...> 1c. Branches or sprigs of the tree, esp. as symbols of sadness — OED) — «символ смерти» — берет начало в Великобритании во времена друидов и сохраняется в христианскую эпоху, проявляясь в традиции хоронить умершего с веткой тиса и высаживать тисовые деревья на церковных погостах. Нередки случаи, когда ассоциативные компоненты, обусловленные культурной традицией, частично пересекаются в двух языках, обладая тем не менее своей спецификой. Одним из наиболее ярких примеров такого слияния уникального и специфичного является дуб. Это дерево занимает особое место в мифологии сопоставляемых культур: в славянской мифологии преимущественно с ним связаны предания о мировом дереве, оно считалось священным и связанным с именем Перуна, который добывал из него огонь (само слово *дуб* первоначально заключало в себе общее понятие дерева) [см.: Афанасьев, 2006, 309], в кельтской мифологии дуб также считался мировым деревом и почитался даже в большей степени, чем в других европейских культурах (слово *druid*, вероятно, является гаэльским дериватом наименования дуба в этом языке: *Duir* — «men of the oaks») [Садовская, 2006, 273].

Однако сопоставление национально обусловленной символики дуба в современном сознании носителей двух культур (как на уровне закреплённости в языковых значениях, так и на уровне актуальности символического смысла самого растения) показывает, что она более ярко представлена в английском языке, что объясняется, по-видимому, частично большим влиянием античной традиции, а также особой ролью данного растения в английском фольклоре (для фольклорных сюжетов характерно упоминание конкретных деревьев: так, знаменитый *Major Oak* в Шервудском лесу, являющийся туристическим объектом, по преданию был местом встречи войска Робин Гуда; *Parliament Oak* в Ноттингемшире — это место, где был созван парламент, известны также два вековых дуба в Сомерсете — *oaks of Gog and Magog*, названные так по именам последних из бродивших по древней Британии гигантов, и т. д.). Отмеченные ниже символические значения связаны с семантическим варьированием языковой единицы.

1. Дуб как символ королевской власти обнаруживает переплетение мотивов. Во-первых, такое восприятие растения связано именно с его особым статусом (мировое, священное дерево, через которое осуществляется связь с Божественным): считая себя земным воплощением божества, правители в древности носили короны из листьев дуба. Во-вторых, нельзя исключать того, что более яркая для Великобритании мотивация связана с определенным историческим фактом — истори-

ей о Чарльзе II, который избежал плена после битвы при Вустере, укрываясь под дубовыми деревьями, и его последующем прибытии в Лондон в 1660 г., ознаменовавшем восстановление монархии. Исторический факт получил продолжение в фольклоре и положил начало существующей и в современной Великобритании традиции отмечать так называемый *Royal Oak Day* (29 мая), атрибутом которого является лист (ветвь) дуба.

2. Дуб как символ силы, стойкости, смелости: *Mighty oaks from little acorns grow* (Из маленьких желудей вырастают великие дубы, пословица).

3. Дуб как символ победы, военной победы, триумфа: такая символика связана с физическими свойствами дуба (крепость, мощь) и обусловлена античной традицией надевать на головы полководцев-победителей венки из ветвей дуба: *oak* <...>
5. a. The leaves of the oak, esp. as worn in a chaplet or garland (OED). Не случайно название официального марша военно-морских сил Великобритании — *Heart Of Oak*.

4. Дуб как символ Англии: мотивация — физические свойства растения + его особая роль для страны.

Физические свойства дуба, выделяющие его среди других деревьев, обуславливают его символическое значение и в русском языке, хотя здесь ассоциативный ряд беднее. В русском языке, как и в английском, дуб выступает символом силы, выносливости.

Таким образом, сопоставительный анализ процессов семантической деривации предполагает сравнение особенностей их протекания во всех трех аспектах. Именно такой многоаспектный подход позволяет анализировать семантическую деривацию не как статический набор лексико-семантических компонентов, а как динамическое явление, развивающееся во взаимодействии универсальных и национально специфичных факторов.

Афанасьев А. Н. Мифология древней Руси. М., 2006.

Васильев Л. М. Имплицитная семантическая деривация // Актуал. пробл. лексикологии и лексикографии. — Пермь, 1972.

Гафарова Г. В., Кильдебекова Т. А. Когнитивные аспекты лексической системы языка (на материале функционально-семантической сферы «жить»). Уфа, 1998.

Зализняк А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // Вопр. языкознания. 2001. № 2. С. 13 — 25.

Илюхина Н. А. О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности // Вести. СамГУ. 2005. №1. С. 138—153.

Комарова З. И., Плотникова Г. Н. О соотношении фитонимических концептов в языковой и научной картине мира // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности. Екатеринбург, 2006. С. 70—86.

Лещева Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1997.

Национальный корпус английского языка [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

- Национальный корпус русского языка [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Садовская И. Т. Мифология. М.; Ростов н/Д, 2006.
- Словарь современного русского литературного языка. Т.1—17. М., Л., 1948.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.
- Gyori G. Semantic change and cognition // Cognitive Linguistics. 2002. № 13—2. С. 123—166.
- Oxford English Dictionary (on CD-ROM). Oxford: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 05.11.2007 г.

Л. В. Сажина

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В течение последних лет в отечественном языкознании растет интерес к лингвистической составляющей гендерных исследований.

Интересно, что термин «гендер» был взят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук — социологию, социальную философию, историю и т. п. По мнению исследователей, данный термин призван подчеркнуть не природную, а социокультурную обусловленность межполовых различий.

Методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека [см.: Кирилина, 2005, 10]. Ряд понятий, применяемых в гендерных исследованиях, пришел из политического дискурса. Например, термин «сексизм» возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: в языке зафиксирована главным образом мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводится второстепенная, маргинальная роль и статус объекта [см.: Там же]. Исследователи стараются придерживаться более нейтральной позиции и применяют термин «гендерная асимметрия», под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т. д., так как понятие сексизма предполагает как бы намеренную дискриминацию.

Некоторые тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм, внесли новое в теорию познания. Например, лингвистические и психологические исследования этого периода, в частности, привнесли новый взгляд на понятие категории, возникший под влиянием работ Э. Рош; произошел пересмотр базовых философских категорий и отказ от большого числа традиционных представлений. По мнению Дж. Лакоффа, приходится отказываться, например, от